

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 130.2.

 DOI: 10.47928/1726-9946-2024-24-2-113-123

 EDN: TNSDNL

Научная статья

Телесная красота в зеркале адыгской идентичности

Л. Х. Шауцукова

*Северо-Кавказский государственный институт искусств, г. Нальчик, Россия
Shaucukova@rambler.ru*

Аннотация. Предметом исследования данной статьи являются специфика, аутентичный характер, философия телесной красоты в традиционной культуре адыгов (черкесов). Опираясь на такой всемирно известный источник, как адыгский героический эпос «Нарты», автор прослеживает истоки представлений адыгов об эстетике женского и мужского телесного совершенства и проводит параллели между представлениями о физической красоте разных народов.

Ключевые слова: эстетика телесности, этико-эстетические суждения адыгов, эпос «Нарты», аутентичность адыгской философии, значение этнической идентичности.

Финансирование. Работа не выполнялась в рамках фондов.

Конкурирующие интересы. Конфликтов интересов в отношении авторства и публикации нет.

Авторский вклад и ответственность. Автор участвовал в написании статьи и полностью несет ответственность за предоставление окончательной версии статьи в печать.

Для цитирования. Шауцукова Л. Х. Телесная красота в зеркале адыгской идентичности // Доклады АМАН. 2024. Т. 24, №. 2. С. 113–123.

 DOI: <https://doi.org/10.47928/1726-9946-2024-24-2-113-123>; EDN: TNSDNL

© Шауцукова Л. Х., 2024

PHILOLOGY

Original article

Bodily beauty in the mirror of Adyghe identity

Lyudmila Kh. Shaucukova

*North Caucasus State Institute of Arts, Nalchik, Russia
Shaucukova@rambler.ru*

Abstract. The subject of research of this article is the originality, authentic character, philosophy of bodily beauty in the traditional culture of the Circassians. Working on such a world-famous source as the Adyghe heroic epos “Narts”, the author traces the origins of the Adyghe people’s ideas about the aesthetics of female and male bodily perfection and draws parallels between ideas about the physical beauty of different peoples.

Keywords: bodily aesthetics , ethical and aesthetic judgments of the Circassians, the epos “Narts”, authenticity of Circassian philosophy, the meaning of ethnic identity.

Funding. The work was not carried out within the framework of funds.

Competing interests. There are no conflicts of interest regarding authorship and publication.

Contribution and Responsibility. The author participated in the writing of the article and is fully responsible for submitting the final version of the article to the press.

For citation. *Shaucukova L. Kh.* Bodily beauty in the mirror of Adyghe identity. *Adyghe Int. Sci. J.* 2024. Vol. 24, No. 2. Pp. 113–123.

 DOI: <https://doi.org/10.47928/1726-9946-20243-24-2-113-123>; EDN: TNSDNL

© Shaucukova L. Kh., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

В адыгской этико-эстетической парадигматике огромную ценность имеет философия телесной красоты. Представления о ней весьма аутентичны при наличии определенных универсальных для всего человечества представлений о том, что есть женское и мужское телесное совершенство.

Вспоминается мысль Н. Г. Чернышевского: «Человеческое тело – лучшая красота на земле». Исследователи, философы, эстетики во все времена считали, ЧТО СТРЕМЛЕНИЕ К ТЕЛЕСНОМУ СОВЕРШЕНСТВУ ЯВЛЯЕТСЯ ОДНОЙ ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ДОМИНАНТ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ И СЛУЖИТ СПОСОБОМ ГАРМОНИЗАЦИИ индивидуального и социального, ЯВЛЯЯСЬ важнейшим инструментарием достижения эстетического идеала.

В частности, известно высказывание Гегеля, что «греки сперва сами преобразовали себя в прекрасные формы, а затем объективно выражали их в мраморе и на картинках» [1, т. 2, с. 127]. Тому доказательство – то огромное внимание, которое древние греки, затем и римляне, уделяли своей физической форме.

Мы никогда не увидим в скульптурах античности сколь-нибудь выраженное несовершенство, начиная от кор и курсов античного ваяние полно гармонии, прекрасных линий человеческого тела, пластики его органов, выразительности лица. Известно, на Олимпийские игры не допускались не только те, кто имел изъяны телесного плана, но и те, кто был пойман на неблагоприятных деяниях, что выражено в аристотелевской калокагатии, то есть учении о единстве теории добра и красоты. Действительно, в Древней Греции выше всего ценились крепкое здоровье и красота сильного человеческого тела, а также его добродетели и внутренние качества, ибо, по мнению античных философов, красота человека напрямую связана с его внутренним миром, умом и сообразительностью, умением сосуществовать с себе подобными [2, с. 87].

В Индии традиционно женская красота до сих пор считается даром богов, причем даром коллективным, и имеет она не столько физические, сколько духовные характеристики, удовлетворяя эстетические потребности, как это делают произведения искусства.

Лакшми, жена бога Вишну, – не только богиня красоты, но и богиня счастья, так как эти вещи неразделимы, а быть красивым означает в ведическом понимании счастья делать всех рядом счастливыми. Не зря одна из важнейших сюжетных линий «Махабхараты» посвящена тому, как на пиру богов появилась земная девушка Тиллотама и так очаровала всех своей красотой, что боги не в силах были отвести от нее глаз. Один из богов – Индра – весь покрылся глазами, а вот Шива, верховный бог, оставался внешне бесстрастным. Но как только девушка оказывалась вне поля его зрения, у Шивы образовывался новый лик.

Да и примеры более позднего времени говорят нам об уважении и почитании красавиц в Индии. В этом плане многое может рассказать трагическая судьба Нафисы Джозеф, мисс Индии и мисс Мира, которая предпочла молодой уйти из жизни, но не поступиться честью.

В адыгском же понимании, и это следует из содержания героического эпоса «Нарты», красивый человек – это гармоничное сочетание (перечисляю в порядке важности) зрелого сознания, просветленной духовности, физического совершенства, данного тебе небом, благоприятных условий жизни и, наконец, технологий красоты, включая уход за собой. Героини эпоса хорошо знают, какие травы делают кожу лица белой и нежной, владеют секретами целительной глины, которая сохраняет молодость на долгие годы, отлично понимают, какие наряды им к лицу. Конечно, сразу вспоминается мать нартов – Сатаней, которая с годами становится краше и стройней:

«Сатаней, как невеста,
 Надевает цветные
 Дорогие наряды.
 Щеки белит, румянит
 И сурьмит свои брови.
 Сатаней – наготове:
 Кто соперничать станет
 С красотой нетленной?» [3, с. 147]

Конечно, Сатаней знает силу своей красоты, и когда ей нужно остановить нарта Бадыноко, дабы тот не отправился дальше совершать свои героические подвиги и, соответственно, не составил конкуренцию славе ее сына Сосруко, прибегает к своей красоте как уловке:

«Тут срывает гуаша
 Свой платок златотканый,
 Обнажает гуаша
 Белоснежную шею,-
 Храбреца не прельщает
 Белоснежная шея.
 Опускает гуаша
 Златотканное платье,
 Обнажает гуаша
 Белоснежные груди...» [3, с. 147]

Если мы обратимся к физическим параметрам телесной красоты, в эпосе часто сталкиваемся с важнейшим компонентом женского совершенства – белой кожей. Например: «У Куанданта была красавица-сестра с такой белой и прозрачной кожей, что когда она пила, было видно, как вода переливается в ее горле» [3, с. 313]. Еще одна красавица-героиня в эпосе, Адиюх, что в переводе означает «светлорукая», солнцеподобная красавица, может освещать самую темную ночь белизной своих рук: «Когда Псабида отправлялся в поход, Адиюх садилась у окна башни и протягивала в окно свои руки, белые светозарные руки. В самую темную ночь, когда человеку не нужны его зоркие глаза, в самый пасмурный день, когда мир исчезает в тумане, протягивала в окно Адиюх свои руки, льющие свет, и темная ночь обращалась в сверкающую лунную, а пасмурный день – в ясный и солнечный» [3, с. 122].

В адыгском лексической платформе кожа женщины по мягкости и нежности сравнивается с крымской ватой – «кърым бжьэхуцу», «бжьэхуцыху Гэпэу», а по белизне она «калмыкъ бжьэхуц», то есть калмыцкая вата. Согласно традициям женское тело должно напоминать пену молока – «шэ тхъурымбэм и щыгъэу».

Ценимые в наше время солнечный загар, смуглая от природы кожа или мускулистое, натренированное тело в народном сознании являются маркерами, атрибутами низкого происхождения, аристократка же должна быть «уцзыкГэщЭплъу», что в буквальном переводе означает «прозрачная плоть». Очень важны женские брови, их конфигурация, высота и густота:

«Сатаней, сиянье наше,
 Кто тебя умней и краше?
 Кто сравнится красотой
 С тонкобровою гуашей,
 Что гадает на фасоли?»

Золотом подол твой вышит,
Облик молодостью дышит,
Очи – солнце, зубы – жемчуг...» [3, с. 177]

До сих пор в эстетике телесности адыги ценят тонкие брови вразлет подобно хвосту ласточки – «и набдзэк1ит1ыр пц1ашцхъуэк1эу», имеющие форму полумесяца: «зи набдзит1ыр мазэм и ныкхъуэ», «мазэ кхурашэ».

«Красота – это открытое рекомендательное письмо, заранее завоевывающее сердце», – сказал Артур Шопенгауэр. Поэтому как всякий носитель этой красоты, так и воспринимающий эту красоту в эпосе несут огромную ответственность. Важнейшая составляющая красоты – нрав, поэтому девочке-черкешенке внушали с самого детства: громко не смейся, улыбка должна показать только краешек зубов, потому что во весь рот скалятся только лошади. За столом в гостях никогда не ешь, а пробуй еду, и делай это весьма деликатно. Бабушка автора этих строк, которая всю жизнь гордилась своим знатным происхождением, трапезу вообще считала весьма интимным процессом, а отдельное застолье по принципу мужчины-женщины находила единственно верным.

Те, кто думает, что у нас женщину не уважают и потому не сажают за мужской стол, считала бабушка, ничего не понимают. Все ровно наоборот. Мужчины могут выпить лишнего за столом, у них может вылететь нечаянное слово, не предназначенное для женских ушей. Они могут громко разговаривать, чего нельзя категорически делать женщине. Более того, чтобы сохранить уважение к мужчине, женщина должна быть изолирована от него, когда у того слабеют тормоза сознания. А что этому способствует больше, чем алкоголь?

Запреты для девочек были многочисленны: не дружи с недостойными и не входи с ними ни в какое общение, кроме вежливого приветствия, не смотри мальчикам в глаза прямо и долго, никогда не участвуй в сплетнях, никому не жалуйся – не помогут, а уважать перестанут. Сор из избы выносят только глупые женщины, умная, даже разведясь, на все вопросы ответит: так получилось. Любого мужчину, считалось, женщина может и поднять, и опустить, не зря в народе говорят: опущенного всем аулом мужчину жена может снова поднять на высоту, а вот если жена тебя опустила, здесь не поможет никакая сила.

В семейной жизни от женщины зависит очень много: даже если тебе в мужья достался непутевый сморчок, подними его так, чтобы он почувствовал себя королем, и настанет момент, когда он не захочет совершать плебейские поступки. Хорошим людям не надоедай, пусть твое присутствие везде будет праздником, с плохими старайся держать наиболее возможную дистанцию, никогда ничего не выясняй, только еще больше запутаешься.

Не давай повод против себя бранчливой свекрови, молча выслушай и делай свое дело, если она несет явную чушь. Будь щедрой, не держись за вещи, всегда найди повод сделать большему количеству людей маленькие подарки, когда обед в складчину, первая выложи свои продукты. Это не значит, что можно быть мотовкой, только неумная женщина спускает все, что принес в дом ее муж, заработав это нелегким трудом. И все в таком роде, что и являлось женским дворянским воспитанием у черкесов. А как известно, все нормы морали, равно как и этикетные нормы, идут сверху вниз, от знати к простолюдинам.

Каждая женщина хорошо знала, что внешность для женщины значит много, если не очень много. Красота – естественный атрибут женщины, которым после замужества многие пренебрегают оттого, что на нее не остается сил, отказываются в пользу удобства и комфорта. Но внешность женщины, в отличие от стереотипного мышления, должна не просто очаровывать, привлекать мужчин или создавать ее носительнице некие преференции. Адыги прекрасно понимали: красота – не просто власть, ресурс, товар. Творить себя

— один из самых приятных и удивительных процессов, а быть довольной результатами собственного творчества – одно из самых больших удовольствий. Природа такую женщину награждает не только хорошим самоощущением, но и уверенностью в завтрашнем дне. Красивая женщина – это уверенная в себе женщина, она транслирует свою красоту окружающим, ею гордятся и дети и муж, который боится потерять ту, что одна не останется, потому что любой настоящий мужчина явно или тайно поклоняется женской красоте. До сих пор в этническом представлении в творении красоты важно все, не только одежда и внешность, но и умение вести себя, и внутренняя культура, а сейчас еще и образование, и количество прочитанных умных книг, и доброта и чуткость, и умение рефлексировать, и желание быть выше пересудов и сплетен, и великий дар держать себя в руках, когда зашкаливают эмоции, да мало ли что. При этом далеко не всегда работают современные технологии красоты – грим, косметологические операции, массажи и притирания.

Для адыгов очень важна была женская походка. В эпосе «Нарты» часто упоминается «лисья» походка героинь. Походка красивой женщины уподоблялась походке грациозных лесных зверей: «къумыхужьмэ и бжьоууэ укӀуэкӀафӀэт», изящной, как у лани – «бланэм хуэдэу кӀуэкӀэ дахэ»; плавной, как у гусыни. Такой походке аристократок учили с детства, поэтому княгини ходили несколько надменно и плавно, глядя поверх голов, «псы хуэм ес къазу». Всячески ценится и мягкая, скользкая, кошачья походка – «джэдум хуэдэу щабэрыкӀуэу», что означает в переводе «ступает мягко, подобно кошке». Поэтому критикуется мужеподобная, неженственная походка, каковых существует множество, и все они получили языковую репрезентативность: переваливается, как селезень, вышагивает, как журавль, выступает, как коняга, еле плетется, как старая кляча и тому подобное.

По преданию дочь верховного князя Кабарды Кучука Дажанхотова, красавица Химсад, будучи отдана в жены молодому князю из рода Татлостановых, в первую брачную ночь трагически стала вдовой, затем, против ее воли, Химсад выдали замуж за ногайского хана Беслана Тугана:

«Гуаша я, Гуаша несчастная,
Все Гуаши меня жалеют.
Татлостановых снохой когда я была,
До порога мой путь полдневный был,
Нелюбимому мужу когда меня отдали,
Мужицкого мерина обгонять стала,
С самшитовых моих башмаков высоких

Горя вестник меня сойти заставляет, о горе..» – поэт Химсад [4, с. 69]

То есть, надо понимать, ее медленная мягкая поступь княгини, которая никогда и никуда не спешит, превратилась в резвую походку степной женщины. Говоря о черкешенках, нельзя обойти вниманием их глаза и волосы. Существует распространенное мнение, что у черкесов предпочтение отдавалось ярко-черным глазам, на самом деле самые красивые глаза все же приглушенно-карие, именно их взгляд содержал в себе любимые женские черты – мягкость, стыдливость, кротость. Но лучшее украшение девушки – тяжелые черные волосы, сплетенные в две косы «толщиной с руку», переброшенные за спину. Пожалуй, волосы были самым ярким акцентом девичьей красоты, поскольку адыги предпочитали все «серебряное золотому», то есть не яркий блеск, не ослепительное сияние, а приглушенная красота, в которую нужно было всматриваться и которая никогда не надоедала, не вызывала привыкание. Есть в языке термин «нзщӀэпчӀэ», то есть вызывающая всеобщее внимание, бросающаяся в глаза. Это негативное определение в буквальном смысле слова означает «прыгает в глаза». Что касается представлений об идеале телосложения,

они у адыгов менялись со временем, но современное представление о красивой женской фигуре вызвало бы непонимание и осуждение в традиционном обществе. Девушка должна была выглядеть как тонкая ива, как тростиночка, лишенная всяческих выпуклостей, фигура же с обозначенной грудью и бедрами считалась телосложением женщины-матери. Более того, даже зрелая женщина не должна была демонстрировать излишние формы, это считалось вульгарным.

Поэтому в восемь лет аристократкам надевали куэншыбэ – плотный корсет из кожи с двумя деревянными дощечками вдоль повоночника, которая мешала груди развиваться, и который не снимали даже во время купания. Корсет носился вплоть до замужества и обеспечивал девушкам тончайшую талию. К примеру в Санкт-Петербургской кунсткамере хранятся два корсета черкешенок, объем которых составляет 48 и 52 см соответственно. Важнейшее условие женского телосложения – его четкие и правильные пропорции, которые важны и для сохранения физического здоровья, они способствовали вынашиванию, рождению и кормлению детей. А как же корсет? – спросит кто-нибудь. Так вот, после замужества корсет снимался, грудь быстро приходила в нужную форму и практически не было случаев, когда ребенок оставался без грудного вскармливания, зато женщина до старости оставалась стройной, с небольшой грудью, которая долго не теряла форму. К слову сказать, излишний вес, полнота не допускалась совсем как в женском, так и мужском телосложении. Этому способствовал весь уклад жизни – достаточно жесткая постель без мягких матрасов, невысокий столик-трехножка, маленькие и довольно шаткие стульчики, на которых не очень засидишься за трапезой.

Согласно тексту эпоса, у нарта Орзэмэджа было три волшебных камня-оселка. «Один – острее меча, другой накрывает столик-анэ самыми изысканными яствами, третий наводит на добрую и красивую женщину». На совете старейшин Орзэмэдж говорит: «Первый оселок пусть достанется самому мужественному из нартов, второй самому воздержанному в еде, третий – тому, кто лучше всех относится к женщине». Опять же, вразрез с общепринятым мнением о закабаленной восточной женщине, текст эпоса свидетельствует об обратном, а адыгская пословица гласит: «Тхъэм и гуцлэгъумрэ бзылхугъэм и нэфлымрэ сыхыумыгъадэ!» – «Да не буду я вынужден выбирать между милосердием Бога и благосклонностью женщины!» [5, с. 267]. «Нарты» посвящают тосты, здравицы, песни женской красоте. Вот песня, посвященная Мелечипх:

«Маленькая Мелечипх-красавица
Одна её коса – красное золото,
Другая её коса – светлое золото,
Из тхаухуд она сама.
Волосы у неё черные, как воронье крыло,
А большие глаза у нее тоже черные.
Лицо у нее белое, как белые перья сороки,
А щечки у нее румяные.
Брови у нее вразлет – словно хвост ласточки,
Она – красавица из красавиц.
Слово молвит, как птичка щебечет,
Песню поёт, будто соловей поет.
Взглядом она услаждает...». [3, с. 312].

Образ женщины образовывал прочную связь с такими понятиями, как красота, чистота, целомудрие, ее культ был неотделим от культа прекрасного: она красиво говорит, танцует, ходит, сидит, одевается, красноречие женщины, изящество ее поз и движений,

красота ее костюма воспеваются в песне как несомненные составляющие счастья:

«Ее серебряный нагрудник атласом сверкает,
Из атласа желтого ее рукава,
Луна, что на небе – ее лицо.
Белолицая красавица величаво ступает, На подушке сидишь – голубка,
Выпрямишься – львица.
У светлорукой у нашей, чей подол платья в золоте,
Шея подобна косульей,
Шелк нежный – ее кожа,
Брови ее - ласточки крылья,
Тебя родившую мать Бог да вознаградит». [4, с. 99]

Конечно же, в «Нартах» выражен идеал женской красоты, созвучный представлениям о красоте черкесских женщин в культуре адыгов. Красота черкешенок привлекала одинаково людей Востока и Запада именно тем, что «В этом этническом типе гармонически объединились духовные и физические черты в органическом единстве и в высшем проявлении, что соответствует классическому определению прекрасного как совершенного в своем роде. Поэтому нужно здесь говорить не о выражении красоты, а о выражении прекрасного в человеке. Вследствие этого данный тип выражения прекрасного в черкешенке как и представительнице адыгского этноса привлекал всегда внимание художников, писателей и поэтов. И в мировой художественной культуре, особенно в поэзии, мы находим шедевры, посвященные женской красоте, красоте черкешенки» [6].

О красоте черкешенок сказано и написано так много, что, рискуя повториться, все же обратимся к некоторым великим именам. Байрон в поэме «Гяур» дает образ дочерей Черкесии, прекраснейшей птицы Франгистана. И хотя в примечаниях к поэме отмечается, что под Франгистаном Байрон ошибочно подразумевает Черкесию, а в предисловии сам Байрон говорит, что эта поэма основана на происшествиях, которые относятся к периоду венецианского владычества на островах Корфу, Левкас, Кефалония, Закинф, в Ионическом море с начала XIII века по 1797 и связаны с печальной судьбой невольницы из гарема, все же это не исключает того факта, что речь идет здесь о черкешенке. Так этот образ был истолкован и М. Ю. Лермонтовым в эпитафии к поэме «Измаил-Бей».

В образе Лейлы в поэме Байрона «Гяур» также героиней является черкешенка. Это образ высокого поэтического достоинства, в котором выражены наиболее характерные черты представителя адыгского этноса, близкого по изображению, архетипическим параметрам образов женщин Нартиады:

«Бегу усилий я напрасных,
Тебе словами передать
Всю прелесть глаз ее прекрасных.
Случалось ли тебе видать
Глаза печальные газели?
Вот так ее глаза темнели
И так казались томны,
В них столько ж было глубины.
Коль их ресницы не скрывали,
Чистейшим пламенем сверкали
Они, как редкостный рубин;
Души в них нежной было много...
... Был полон взор её прекрасный,

Ланит ее румянец ясный
С цветком грана спорить мог,
И волосы до самых ног
Душистой падали волною,
Когда, блистая красотой
Леила распускала их
Среди прислужниц молодых,
А ножки нежные стояли
На белом мраморе...
И, дивной грации полна,
Как лебедь по водам, она
Походкой двигалась прелестной...
О, Франгистана цвет чудесный!

В ней все гармонией дышало...» [7, с. 281–282].

Телесная красота имеет прямое отношение и к лицам мужского пола. Правда, здесь требования не так строги и имеют явную гендерную выраженность. Конечно, воину, закаленному в боях и походах, совсем не пристали белая кожа, мягкие руки, изящная походка и прочие женские атрибуты. О главном герое эпоса Сосруко часто говорится, что он «булатный», тело у него такое крепкое, что даже колесница с острыми ножами, спущенная с вершины горы, не может причинить ему вред, более того, герой ее отправляет назад, на вершину, движением плеча. Главное, что делает мужчину красивым, – его мужество, готовность отдать свою жизнь, защищая пределы своей страны, отстаивая свою свободу и неприкосновенность.

Его глаза смотрят прямо и смело, взгляд его лишен какого-либо лукавства, позы его тела, осанка говорят о благородстве. Важно, чтобы был он широк в плечах, узок в талии и бедрах. В частности, о Бадыноко в «Нартах» говорится: он настолько широк в плечах, что левое плечо его мерзнет от снега и мороза, а правое обжигается палящим солнцем. Идеальное мужское сложение таково, что когда он ложится набок на твердую поверхность, между его талией и землей должна суметь проползти кошка, а между голенью в узком месте и поверхностью – мышь.

В мужском телосложении не допускается жир даже в минимальных количествах, и весь он должен смотреться как натянутая тетива, сливаясь со своим конем и в любую минуту будучи готов к ратной службе. В доме у черкеса не должно быть ничего удобного, мягкого, располагающего к отдыху и неге. Мы уже писали о маленьком стульчике, на котором не очень-то засидишься за обедом, и любимое количество ножек стола и стульев – три. Да и сам дом, сплетенный из тонких стеблей молодого деревца и обмазанный глиной, практически открыт всем ветрам, потому что считается: каменный дом не пристало иметь настоящему мужчине, укрываясь за его крепкими стенами, он тем самым демонстрирует трусость. В «Нартах» все герои практически являются всадниками, кроме того, их выезд всегда красочен и своеобразен.

Сосруко, кстати, не похож на богатыря, он не громадного роста и на первый взгляд не обладает недюжинной силой, но

«Он хватает Сосруко,
Поднимает и вертит!
Меж ногами стальными
Он свою ногу ставит,
Он противника давит,

Чтоб сломить его силу.
 Вот он поднял Сосруко
 И с размаха мгновенно
 По колено вогнал он
 Нарта юного в землю.
 Начинает Сосруко,
 Поднимает он Пшаю,
 Поднимает высоко,
 И на землю кидает,
 И по самые плечи

Пшаю в землю вгоняет ...» [3, с. 57]

В данном случае речь идет о скрытой силе, когда противнику кажется, что он быстро справится с неопытным юношей, не обладающим богатырской внешностью. Итак, возвышенный воинский этос формирует представление о мужской красоте совсем на других принципах, чем представление об эстетике женского лица и тела. Вспоминается «Наука любви» Овидия, который представляет мужскую красоту следующим образом:

«Будь лишь опрятен и прост. Загаром на Марсовом поле тело покрой, подбери чистую тогу под рост, мягкий ремень башмака застегни нержавеющей пряжкой, чтоб не болталась нога, словно в широком мешке; Не безобразь своей головы неумелою стрижкой – волосы и борода требуют ловкой руки» [8, с. 342]. Этим великий древнеримский поэт ограничивает требования к мужской красоте. Мы же добавим к сказанному возвышенный дух, который придает мужчине лучшую эстетику лица и тела. Сознательно не обращаемся к таким составляющим внешнего облика, как одежда, украшения, оружие и прочие элементы, поскольку о них написано и сказано достаточно в научной литературе.

Список использованных источников

1. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. В 4-х томах. М., 1971. 675 с.
2. Древнегреческая философия. М., 2007. 829 с.
3. Нарты. Адыгский героический эпос. Главная редакция восточной литературы. М., 1977. 415 с.
4. Фольклор адыгов. Нальчик, 1979. 403 с.
5. Нарты. Кабардинский эпос. Нальчик: Эль-Фа. 2002. 527 с.
6. https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.94a107a4-661e255e-40e9
7. Байрон Д. Г. Гяур // Байрон Д. Г. Избранное. М., Изд.-во «Правда», 1982. 464 с.
8. Сочинения П. Овидия Назона все, какие до нас дошли. / Пер. А. Клеванова. В 3 т. М., 1874. Т. 2. 344 с.

Поступила 06.05.2024; одобрена после рецензирования 04.06.2024; принята к публикации 04.06.2024.

Об авторе:

Шауцукова Людмила Хажсетовна, кандидат культурологии, профессор, заведующая кафедрой общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Кавказского государственного института искусств (г. Нальчик, пр. Ленина 1), член-корреспондент АМАН, Shaucukova@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. *Hegel G. V. F.* Aesthetics. In 4 volumes. M., 1971. 675 p.
2. Ancient Greek philosophy. M., 2007. 829 p.
3. Sleds. The Adyghe heroic epic. The main editorial office of Oriental literature. M., 1977. 415 p.
4. Folklore of the Adygs. Nalchik, 1979. 403 p.
5. Sleds. Kabardian epic. Nalchik: publishing house of El-fa. 2002. 527 p.
6. https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.94a107a4-661e255e-40e9
7. *Byron D. G.* Giaur//Byron D.G. Favorites. M., Publishing house "Pravda 1982. 464 p.
8. The works of P. Ovid Nazon are all that have come down to us. / Per. A. Klevanova. In 3 vols. m., 1874. t. 2. 344 p.

Submitted 06.05.2024; approved after reviewing 04.06.2024; accepted for publication 04.06.2024.

About the author:

Lyudmila Khazhsetovna Shaucukova, Doctor of Philosophy in cultural studies, professor, Head of the Department of General Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the North Caucasus State Institute of Arts (Nalchik, Lenin Ave. 1), Corresponding member of AIAS.
Shaucukova@rambler.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.